

В Эстонии возможно голосование по доверенности, по почте, Интернету. В Бельгии за первую неявку на выборы без уважительной причины установлен штраф 50 евро, за вторую — 125 евро, после четырех «прогулов» происходит лишение избирательных прав на 10 лет. В Египте участие в политической жизни является национальным долгом, а неучастие карают штрафом и общественным порицанием. В Греции помимо штрафа предусмотрен арест и тюремное заключение на срок от одного месяца до года. Россия занимает 137 место в мире по уровню явки избирателей на выборы. Если верить ЦИК, с начала 90-х явка на президентские выборы колеблется между показателями 65–70%, на выборы в Госдуму — 55–65%.

ЯВКА ПРОВАЛЕНА!

КРИСТИНА ИВАНЕНКО, ПСИХОЛОГ

Почитаемый мной Альбер Камю провозглашает: «Свободный выбор создаёт личность. Быть — значит выбирать...». Но почему тогда, если дело касается политики, так много людей выбирают не выбирать? Уклонение избирателей от участия в голосовании на выборах называется абсентеизмом. Изначально понятие «абсентеизм» относилось к проблемам землевладения в Ирландии и обозначало постоянное отсутствие местных крупных землевладельцев в своих поместьях. Тяга к путешествиям и иммиграции тех людей, в руках которых были сосредоточены почти все земли и наличный капитал страны, вылилась для Ирландии

в серьёзную экономическую проблему. Сейчас понятие по-прежнему употребляется для указания на отсутствие. В частности — отсутствие на выборах.

Политический абсентеизм не предполагает абсолютного выключения человека из отношений с государством и обществом — как правило, абсентеист остаётся добросовестным налогоплательщиком и законопослушным гражданином. Позиция неучастия касается только тех сфер политической деятельности, где гражданин может, но не обязан выразить свои политические воззрения.

В тоталитарных обществах абсентеизм вообще отсутствует — явка составляет 99,8%. При более или менее демократическом устройстве государства у человека есть возможность воздержаться от политических действий, и всегда найдутся желающие это сделать. Так что небольшой процент абсентеизма в обществе может считаться показателем его свободы и «здоровья». Но когда игнорирование процедуры голосования становится общественным явлением, демократия теряет даже видимость легитимности и вместо волеизъявления большинства начинает представлять собой «механическое суммирование воли ничтожной кучки современников», — цитируя гениального А. Н. Бердяева.

Что же стоит за отказом человека от священного для демократии права выбрать? Аполитичность, политическая индифферентность и простое безразличие к общественно-политической жизни являются лишь одним из его возможных мотивов. За абсентеизмом может стоять протест, отсутствие в бюллетене достойных кандидатов, потеря доверия существующей политической системе, ощущение бесполезности и безрезультатности своего участия...

Последнее обычно укладывается в энергосберегающий девиз в стиле: «Зачем куда-то ходить — мой голос всё равно ничего не изменит». Честно говоря, меня всегда царапает безразличие и ощущение бесполезности собственных усилий, запакованные в подобные формулировки. От них веет либо «Замком» Кафки, либо экспериментами Селигмана над крысами... Кафку вы точно читали, а вот Селигмана вряд ли. В его экспериментах животные ставились в условия, сочетающие наказание с безвыходностью. Крысу ожидал разряд электрического тока вне зависимости от того, успешно она прошла лабиринт или нет. После множества серий крыса уже не пыталась вернуть контроль над ситуацией, даже если такая возможность появлялась, и за правильное выполнение задания начинали давать законную награду. Бездействие в такой ситуации получило название «феномен выученной беспомощности». В электоральном поведении избирателя действуют аналогичные законы: длительное ощущение бесполезности усилий приводит к тому, что выученная беспомощность становится основной формой поведения.

Итак, причин воздержаться от голосования — масса. Но две трети всё-таки тратят половину выходного дня на то, чтобы приехать в район прописки и поставить галочку в бюллетене своей рукой. Что же может заставить гражданина появиться на избирательном участке в день выборов? Политические психологи в течение десятилетий пытаются найти ключевую пружину электорального механизма.

Одной из самых авторитетных и дискуссионных попыток является, пожалуй, концепция рационального выбора. Согласно модели избиратель предстаёт неким homo economicus: голосуя, он преследует исключительно собственные интересы, «взвешивает» позитивные и негативные последствия своего решения, стремясь к максимизации выгоды.

Если так, то всю политическую систему можно представить в виде гигантского рынка спроса и предложения. Избиратели отождествляются с потребителями, предвыборные кампании — с товарами,

политическая пропаганда — с коммерческой рекламой, политические партии и лидеры — с предпринимателями, предлагающими свои услуги в обмен на голоса. Уязвимое место модели в том, что даже на рынке покупатель не всегда экономически рационален: существуют покупки импульсные или же статусные, лишённые рационального ядра.

На истинность претендуют и две другие концепции. Социологическая модель делает акцент на солидарность со своей социальной группой. В каких социальных условиях живёт человек, таковы и его политические взгляды. Странники подхода провели сотни социологических исследований и получили массу полезной в предвыборных кампаниях информации. Так, например, выявлено, что более высокому достатку и социальному статусу соответствует большая вероятность участия в выборах и большая приверженность существующей политической системе. Среди чиновников процент явки значительно выше среднего по стране. Чем более фундаментальным было образование избирателя, тем выше его активность на выборах, причём выпускники факультетов социальных наук участвуют в выборах чаще, чем прочие.

Устойчивое мнение о низкой вовлеченности представительниц прекрасного пола в политику скорее является данью стереотипам — с середины 1980-х в среднем по миру явка среди мужчин и женщин стала примерно одинаковой.

С возрастом люди становятся более заинтересованными в результатах выборов, появляется больше свободного времени на то, чтобы интересоваться политикой, окончательно формируются политические предпочтения и хорошая осведомлённость об игроках политической арены.

В сухом остатке, социологическая концепция дала политикам и организаторам избирательных кампаний понимание того, что люди могут голосовать из солидарности с некоей общностью, в качестве представителей своей социальной группы. Но сам по себе фактор социальной среды не объясняет механизма индивидуального политического выбора избирателя.

А механизм этот пытается объяснить третья, на мой взгляд, самая удачная модель поведения избирателя — социально-психологическая. В ней ключевым фактором считается партийная идентификация избирателя, другими словами, лояльность той или иной партии. Привязанность к политической партии определяется не классовой позицией избирателя, не уровнем образования, национальностью или религией. Партийная идентификация формируется ближайшим окружением — в частности, в семье. В процессе общения с детьми родители транслируют не только политические предпочтения, но и так называемый «политический цинизм» — установки, связанные с недоверием к политике, разочарованностью в её эффективности, бесполезности участия.

Лояльность партии — это фильтр, через который избиратель воспринимает ту информацию о политических событиях, которая наиболее соответствует его предпочтениям и ориентациям... Решение о своём поведении на выборах, таким образом, избиратель принимает исходя не из солидарности со своим классом (как утверждает социологическая теория), а из солидарности с той или иной политической силой.

Я считаю, в политике не может быть невинного воздержания. Те, кто практикует абсентеизм, полагают, что они находятся вне политической жизни, «поверх» конфликтующих групп. Однако истина заключается в ином. Абсентеизм — это тоже политическая позиция, а решение не делать выбор — это тоже выбор. ■